

РАБОЧИЕ И ДИКТАТУРА. РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ Л.С.БЕЛОУСОВА «РЕЖИМ МУССОЛИНИ И МАССЫ»

Появление монографических исследований, посвященных проблемам социальной истории зарубежных стран в 20–30-е гг. XX века, позволяет специалистам по Отечественной истории обратиться к более глубокому, лишенному идеологических догм, сравнительному анализу положения промышленных рабочих на Западе и в СССР в 20–30-е гг. В этой связи особый интерес вызвал выход в свет монографии Л.С. Белоусова «Режим Муссолини и массы»¹, уже получившей высокую оценку в историографической литературе².

Хотя понятие «тоталитаризм» непригодно для универсального объяснения событий и явлений истории, политологическая модель тоталитаризма помогает многое понять в истории XX века³. Наличие общих типичных черт функционирования диктаторских режимов в межвоенный период, позволяет выявить общее и особенное в положении индустриальных рабочих – социального слоя, от которого зависела не только реализация большинства государственных программ, но и судьба политических режимов.

Стержневой темой исследования Л.С. Белоусова является анализ социальной политики тоталитарного режима в Италии в 20–30-е гг. XX века. Вывод автора в середине 90-х гг.: «политика фашизма привела к заметному укреплению социального статуса промышленных рабочих»⁴ – еще недавно мог шокировать исследователей. Недавно – но не сегодня. Вспомним в аргументы московского историка.

Характерной чертой монографий Л.С. Белоусова является введение в диапазон исследования широкого круга итальянских авторов, архивных материалов, фронтальное изучение законов и постановлений государства по рабочему вопросу. Автор раскрывает эволюцию системы социального обеспечения промышленных рабочих Италии, получивших государственные гарантии страхования по старости, инвалидности, от несчастных случаев на производстве, безработице, по болезни, материнству, многодетности и т.д. Исходя из анализа правовых актов, картина формирования системы государственного регулирования социальных отношений в Италии выглядит внушительной. В новой монографии 2000 г. Л.С. Белоусов не нашлось места прежнему выводу о том, что тоталитарное государство в вопросе социального обеспечения промышленных рабочих, в ряде случаев, продвинулось дальше демократических государств⁵. Выводу, нуждающемуся в дополнительных доказательствах, например, в конкретном сравнении положения рабочих

¹ Белоусов Л.С. Режим Муссолини и массы. М., МГУ. 2000.

² См. рецензию К. Г. Холодковского / Вопросы истории, 2003. № 3. С.168–170.

³ Белоусов Л.С. Режим Муссолини и массы. М., 2000. С.8.

⁴ Белоусов Л.С. Итальянский рабочий класс в годы фашизма. М., 1996. С.90.

⁵ Там же. С. 91.

Италии и Франции во второй половине 30-х гг. Зато появилось обоснованное суждение о различиях в экономическом развитии Италии и более высокоразвитых в экономическом отношении стран и последствиях такого несовпадения для положения рабочих. По мнению автора, в силу того, что Италия уступала по темпам роста производительности труда США, Германии, Швеции, где упор был сделан на внедрение новейших технологий, режим Муссолини основные усилия направил на усиление интенсивности труда итальянских рабочих⁶. Обновление технологического парка в промышленности Италии повлекло за собой прогрессирующую диспропорцию в составе рабочего класса, в частности, увеличение за десятилетие (с середины 20-х гг. до середины 30-х гг.) удельного веса рабочих низкой квалификации, выполнявших простейшие операции, с 30 – 40 % до 75 % и выше. Деквалификация сопровождалась не только потерями в заработной плате, но также ломкой сознания, тяжелыми душевными переживаниями и психологическими травмами. В результате распространения форм конвейерного производства, ускорения ритма работ, отмечает Л.С. Белоусов, произошло усиление интенсивности труда, упрощение типа и количества операций, совершаемых одним рабочим, примитивизация его деятельности⁷.

В этом просматривается очевидное сходство с советской действительностью, обусловленное, как и в Италии, решением задач завершения раннеиндустриальной модернизации. Так на крупнейших предприятиях Урала – Уралмаше, Пермском оружейном, Челябинском тракторном, Ижевском машиностроительном заводах – к 1941 г. удельный вес рабочих высокой квалификации, способных выполнять сложные задания, не превышал 23 %⁸.

Однако, заметно возросшие возможности государственного воздействия на массы не сводились только к политике «рационализации производства»¹. Особое значение имеет следующее замечание Л.С. Белоусова: на крупных предприятиях группы привилегированных рабочих высокой квалификации (5–6 % всех промышленных рабочих) появились не в результате существенной технологической модернизации, а благодаря патерналистской политике хозяев (исходя из содержания монографий, следует добавить, и государства)⁹. Аналогичную картину демонстрирует и советская действительность. Как показывает исследование положения рабочих Урала в 30-е гг., не отказавшись от курса на заниженные заработки рабочих в целом, советское государство возродило «рабочую аристократию», причем, в больших, чем до революции, размерах¹⁰. Тем самым, в 30-е гг. и в Италии, и в СССР государство выстроило сложную иерархию в рабочем социуме по этатистическому принципу, разделив рабочих на социальные группы не только в зависимости от рода занятий, квалификации, но и от политической лояльности режиму, места проживания.

⁶ Белоусов Л.С. Режим Муссолини и массы. С. 206 – 207.

⁷ Там же. С. 204 – 206.

⁸ Фельдман М.А. Рабочие крупной промышленности Урала в 1914 –1941 гг. (Численность, состав, социальный облик). Екатеринбург, 2001. С. 257.

⁹ Белоусов Л.С. Режим Муссолини и массы. С. 205.

¹⁰ Фельдман М.А. Рабочие крупной промышленности Урала в 1914 –1941 гг. С. 286.

В монографии обращается внимание на умелые действия фашистских профсоюзов, получивших определенную самостоятельность (судя по тексту, большую, чем в СССР). В диалоге профсоюзных лидеров с предпринимателями и фашистским государством нередко гасилась рабочая инициатива, а трудовые конфликты завершались мирным путем¹¹.

В принципе, к достижениям итальянского государства в рассматриваемый период можно отнести сокращение рабочего времени. Однако обратим внимание на следующие моменты. В 1923 г. в Италии вводится декрет о 48 часовой рабочей неделе, но в 1926 г. декретом короля выделены 33 специальности, для которых ограничено применение закона о 8-часовом рабочем дне¹². В октябре 1934 г. между конфедерациями рабочих и промышленников заключено соглашение об установлении 40-часовой рабочей недели. Но соглашение не носило обязательный характер для предпринимателей, было приостановлено в 1936 г. и окончательно отменено в ноябре 1939 г.¹³ Приведенные Л.С. Белоусовым факты позволяют сделать предположение о преобладании пропагандистских мотивов в подходах фашистского правительства к вопросу о сокращении рабочего времени.

Пропагандистские мотивы обусловили и издание в октябре 1927 г. Манифеста ЦИК СССР о постепенном введении в СССР семичасового рабочего дня. Неподготовленность и необоснованность такой акции была очевидна для специалистов, профсоюзных работников, руководителей Наркомата труда¹⁴. В этой связи, выскажем мнение, что переход в июне 1940 г. в СССР к 48-часовой рабочей неделе был предопределен не только приближением войны, но и преодолением экономической нецелесообразности.

Сходство с эволюцией советского трудового законодательства просматривается достаточно очевидно. В исторической литературе, применительно к дореволюционному периоду, уже высказывалось мнение о сходстве законов о труде стран с протекционистской моделью развития¹⁵. Представляется возможным, выдвинуть положение об аналогичном сходстве и в период 20–30-х гг. Заметим, что в середине 20-х гг. журнал «Вопросы труда» провел широкий (и довольно объективный) обзор законов о труде практически всех стран Европы. Достоинством содержания постоянной рубрики «Хроника труда и трудового законодательства в зарубежных странах» было, во-первых, указание на эволюционный характер зарубежного законодательства о труде. Во-вторых, на общие принципы и конкретные черты эволюции законов о труде всех европейских стран. В-третьих, беспристрастный анализ позволял читателю сделать заключение о том, что *советское законодательство не*

¹¹ Белоусов Л.С. Режим Муссолини и массы. С.150–151.

¹² Там же. С. 208.

¹³ Там же. С. 208–209; Белоусов Л.С. Итальянский рабочий класс в годы фашизма. С. 47.

¹⁴ См. например: Вопросы труда, 1928. № 3. С. 3-5; № 6. С. 14–15.

¹⁵ Степанов В.Л. Социальное законодательство О. Фон Бисмарка и законы о страховании рабочих в России. // Отечественная история. 1997. № 2.

опережало, но соответствовало уровню аналогичных документов капиталистических стран Европы¹⁶.

Сфокусированное внимание Л.С. Белоусова к анализу правовых актов в сфере труда, как мне представляется, привело к определенному перекосу, заслонив исследование реального социального положения рабочих. Характерно, что при конкретном исследовании данной проблематики Л.С. Белоусов приводит к достаточно определенным выводам. Так, сопоставление индекса номинальной зарплаты и индекса стоимости жизни в 1922–1941 гг. позволило автору обоснованно резюмировать: фашизм не принес с собой явного улучшения качества жизни промышленных рабочих. Индекс реальной зарплаты во второй половине 30-х гг. в целом соответствовал показателю 1913 г. и был ниже рубежа 1922 г. Никто из историков, отмечает Л.С. Белоусов, не подвергает сомнению факт снижения покупательной способности рабочего класса Италии в 1922–1940 гг. примерно на 15–40 %¹⁷. Заметим, что к подобным выводам, относительно советского рабочего класса, пришли и современные российские историки¹⁸.

Вместе с тем, во-первых, индекс реальной зарплаты на протяжении всех 20–30-х гг. был выше, чем в довоенном 1913 г. Во-вторых, существовал период относительного благополучия – роста индекса реальной зарплаты на приблизительно 20 %. Такой период пришелся на 1927–1934 гг. (т.е. до начала военных действий в Эфиопии)¹⁹. Получается, что годы мирового экономического кризиса 1929–1932 гг. не повлияли на положение трудящихся Италии. Подобные факты были широко обыграны фашистской пропагандой²⁰. Автор обращает внимание и на активизацию социальной политики государства в преддверии второй мировой войны – весной 1939 г.²¹ В сущности, автор подходит к весьма серьезному выводу об *ограниченности реальных возможностей в социальной сфере «всемогущего» тоталитарного государства*. Ограниченности в принципе, и в силу милитаризации экономики в частности. Такой вывод нуждается в развернутом сравнительном анализе социального положения рабочих стран Западной Европы в 20–30-е гг. XX в. Подобный анализ отсутствует в современной российской исторической науке.

Закон фашистского государства от 3 апреля 1926 г. запрещал локауты и забастовки. Организаторам забастовок грозило тюремное наказание от 3 до 7 лет. Такие меры привели к снижению числа забастовок, но не остроты социальных противоречий. Масштаб участников трудовых конфликтов в Италии обнаруживал тенденцию к росту (например, за 1932–1939 гг. с 406 тыс. до 1371 тыс., или более чем в 3 раза). Закономерна в этой связи ликвидация в 1928 г. третьей-

¹⁶ См. например: Вопросы труда, 1925. № 5. С.79–84; 1926. № 5–6. С.138–139; 152–157; 1927. № 5. С.113–114.

¹⁷ Белоусов Л.С. Режим Муссолини и массы. С. 224.

¹⁸ См. например: Осокина Е.А. За фасадом сталинского изобилия: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941 гг. М., 1997; Черных А.И. Становление России советской. 20-е гг. в зеркале социологии. М., 1998.

¹⁹ Белоусов Л.С. Режим Муссолини и массы. С. 217.

²⁰ Там же. С.225.

²¹ Там же. С.225.

ских судов²². Как видно, речь идет о сужении у промышленных рабочих самой возможности для выражения своих требований, социального протеста.

Насколько масштабными были забастовочные выступления рабочих СССР? Судя по динамике числа забастовок и их участников, в Советской стране шло снижение этих показателей. Если в 1922–1923 гг. бастовал каждый десятый промышленный рабочий, то в 1926–1927 гг. – не более 2 %²³. В литературе встречаются и иные оценки, например, по данным А. Поспеловского, в 1925–1928 гг. в забастовках приняли участие 3 % индустриальных рабочих СССР)²⁴. Однако в советское время в документах, наряду со стачками, стал фигурировать такой термин как «трудовые конфликты», под которым понимались незабастовочные столкновения рабочих с администрацией предприятий. Число участников трудовых конфликтов значительно превышало число забастовщиков. Например, в Уральской области в 1925/26 хоз. году в трудовых конфликтах участвовали 411558 участников, в том числе 404800 на госпредприятиях. Это означало, что степень конфликтности на госпредприятиях была выше, чем на частных и концессионных²⁵. Кроме того, рабочие не могли не знать, что в их пользу завершалась меньшая часть забастовок²⁶. В то же время, участие в забастовках грозило лишением социальных благ, носящих сословный характер, возможности стать выдвиженцем. Все сказанное говорит о том, что в отличие от Италии в СССР существовал и сохранялся своеобразный феномен: рабочие рассматривались властью в качестве главной социальной опоры. Вместе с тем, существовал и сохранялся масштабный социальный конфликт между советской властью и рабочими промышленности.

Тоталитарный режим приложил немало усилий для идеологического перевоспитания населения. Новое поколение итальянцев, выросшее при Муссолини, оказалось в определенной степени фашизированным. Вместе тем, проведенный Л.С. Белоусовым обстоятельный анализ пятипроцентной выборки 160 тыс. анкет (!) архива полиции, показывает, что 60 % «подрывных элементов» имели рабочие профессии, причем $\frac{4}{5}$ рабочих, отнесенных к антифашистам, находились в возрасте старше 40 лет²⁷. Наличие около 100 тыс. рабочих в списках «подрывных элементов» – значительного числа для 40-миллионной Италии; преобладание рабочих в этих списках – факты, характеризующие взаимные «симпатии» режима и части промышленных рабочих. Кроме того, как видно из работ Л.С. Белоусова, за годы существования фашистского режима традиционное поведенческо-возрастное расхождение культурных ценностей в рабочем социуме было дополнено различием идеологических подходов.

Собственно говоря, уже рассмотренные сюжеты не подтверждают тезис о том, что «политика фашизма привела к заметному укреплению социального статуса промышленных рабочих». Если к этому добавить, что многие документы системы социального страхования рабочих были введены в пред-

²² Белоусов Л.С. Режим Муссолини и массы. С. 245 – 247; 252, 256.

²³ Подсч. по: Трудовые конфликты в Советской России. 1918–1929 гг. М., 1998. С. 23.

²⁴ Отечественная история, 2002. № 2. С. 123.

²⁵ Вопросы труда, 1927. № 1. С. 114.

²⁶ Трудовые конфликты в Советской России. 1918–1929 гг. С. 25.

²⁷ Белоусов Л.С. Режим Муссолини и массы. С. 31 – 32.

дверии, или уже после начала Второй мировой войны ²⁸, то справедливо будет заметить о приоритете для тоталитарного режима мобилизационных задач над социальными. Существенным будет и такой вопрос: «а куда ведет кривая?» К какому рубежу вели итальянские фашисты рабочих? Монографии Л.С.Белоусова дают четкий ответ на этот вопрос. Рубеж войны означал начало эпохи невиданных бедствий (например, снижения индекса реальной заработной платы рабочих Италии в 5 раз ²⁹), массовой мобилизации, усиления политического раскола в рабочей среде. Итог венчает дело.

Почему же промышленные рабочие Италии мирились с подобным положением, оставаясь на позициях конформизма ³⁰? Выделим в трудах Л.С. Белоусова три основных положения: 1. Приносила плоды тотальная идеологическая обработка населения, включавшая и законодательный массив по рабочему вопросу, и продуманную организацию свободного времени, и формирование мифа об особой миссии избранного народа, ставшего, по сути, второй религией; 2. Социальная инженерия фашистского руководства приносила и позитивные изменения в жизни рабочих, носившие, однако, как мы убедились, фрагментарный, а главное, временный характер; 3. Опора на массовое движение обуславливала и более высокую, чем прежде, социальную мобильность. Так, в 1932 г. в почти миллионную армию государственных служащих Италии влились от 30 до 50 тыс. рабочих ³¹.

Отличие советского опыта определялось масштабами социалистического эксперимента в СССР, связанного с приходом социальных низов на различные ступени управленческого аппарата. В силу этого, промышленные рабочие могли играть более заметную роль во всех областях жизни общества. Указанная проблема не относится сегодня к числу хорошо изученных тем. Прежние идеологизированные оценки представляют сегодня больше фактологический интерес. Попытаемся в общих чертах выделить параметры влияния рабочих на курс советской социальной политики. Во-первых, это приоритет правового и социального статуса рабочих, закрепленного в законодательстве. Существует значительный пласт документов, подтверждающий влияние настроений рабочих масс на советское руководство, правда, в большей степени, относящихся к 20-м гг. Приведем такой факт. В 20-е гг. два из пяти обычных разделов информационной сводки ЦК ВКП (б) содержали сведения о настроениях рабочих. Преобладание негативного материала в сводках говорило о желании лидеров СССР иметь достоверную информацию. Следует сказать, что в реальной жизни власть вычеркивала из массива «привилегированных рабочих» целые социальные слои: например, воевавших на стороне белых, участников забастовок, с начала 30-х гг. – совершивших прогулы и т.д. ³² Для политически лояльных рабочих открывалась дорога к льготному получению образования и выдвижению на руководящие должности.

²⁸ Белоусов Л.С. Режим Муссолини и массы. С. 225; Он же. Итальянский рабочий класс в годы фашизма. С. 59–62.

²⁹ Белоусов Л.С. Режим Муссолини и массы. С.217.

³⁰ Белоусов Л.С. Итальянский рабочий класс в годы фашизма. С. 91.

³¹ Там же. С.17.

³² См. например: СУ СССР, 1930. № 2. Ст.5, № 6. С.69; 1931, № 60. Ст.387; 1932, № 78. Ст. 475.

Во-вторых, к началу 30-х гг. правящая партия действительно выдвинула на руководящую работу значительное число рабочих: например, в народном хозяйстве около 240 тыс. человек в СССР и 21,5 тыс. в Уральской обл.³³. Если судить по Уралу, рабочие составляли $\frac{1}{3}$ всего управленческого аппарата, но только $\frac{1}{6}$ верхнего слоя управленцев (уровня трестов и объединений союзного значения); 32,4 % от состава управленцев районного – но 21,2 % – областного звена³⁴. Как видно, удельный вес рабочих снижался по мере продвижения по управленческой лестнице. В самом же административном аппарате 87,4 % бывших рабочих, выдвиженцев-руководителей осели на уровне районных органов управления³⁵. Вектор и динамика выдвижения рабочих на руководящие должности очевидны: в наибольшей степени «орабочивание» коснулось низового звена административного аппарата. Тем не менее, само явление выдвиженчества служило для широких масс рабочих подтверждением того, что при всех тяготах жизни – «власть-то у нас рабочая». В 30-е гг. рабочие-выдвиженцы растворились в бюрократическом аппарате, а рабочие-партийцы в своей массе вошли в слой высокооплачиваемых рабочих-стахановцев. Сумма отличий в оплате труда, бытовых условиях, положении в коллективе выросла настолько, что в первом случае можно говорить о том, что чиновничий корпус поглотил активную часть рабочего класса. Во втором случае справедливо отметить становление сословия «советской рабочей аристократии».

Репрессии стали формой устранения противоречий между политически активной частью промышленных рабочих и диктаторским режимом. Гибель значительной части выдвиженцев в 1937–1938 гг., как представляется, стала следствием несовместимости раннебольшевистских лозунгов (несущих ряд общедемократических требований) и имперских задач сталинского государства. Следовательно, о повышении социального статуса советских рабочих можно говорить в контексте перехода в управленческий слой, но и с учетом массового истребления выдвиженцев во второй половине 30-х гг.

К аналогичным выводам подводят и исследования Л.С. Белоусова. Фашистский режим добился от рабочих послушности, повиновения приказам. Но активным участником функционирования фашистского государства рабочий класс Италии так и не стал. Тщательно скрываемый антифашистский потенциал в рабочей среде ждал еще своего часа. Функции носителя модернизации все более переходили к государству. Сохранение тоталитарных режимов означало, что нагрузки на государство не только не позволяли учитывать подлинные интересы различных слоев общества, но и закономерно программировали принятие неверных решений, влекущих крах могучих империй.

³³ Подсч. по: XVI съезд ВКП (б) Стенографический отчет. М., 1930. С. 83; ЦДООСО (Центр Документации Общественных Организаций Свердловской области). Ф. 4. Оп. 11. Д. 438. Л. 25.

³⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 438. Л. 32.

³⁵ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 24. Л. 73.